

ГЛАВА 26. НЕ СУЖДЕНО ВЗМЫТЬ ВМЕСТЕ

— «Не ищу я великого Дао, чтобы выйти из плена заблуждений, но разве мужчиной зовётся тот, кто предал свой талант? Сто лет пролетают — лишь искра, высеченная о камень; жизнь человеческая — всего лишь пена на воде. В погоне за славой и выгодой, жажда лишь почестей... э-э, почестей...»

В классе для лекций о Золотом ядре воцарилась зловещая тишина. Атмосфера была настолько тяжёлой, что, казалось, само время замерло. Стоило одному из учеников неловко шевельнуться, зашуршав тканью одежд, как он тут же ловил на себе испепеляющий взгляд Преподобного Цзысяо.

Ученик мгновенно выпрямился, застыв как струна.

Преподобный Цзысяо, разменявший шестой десяток, сердито теребил свою редкую козлиную бородку. Он сердито нахмурился, и в его взгляде полыхало пламя праведного гнева. Он перевёл взгляд с одного нерадивого ученика на Чи Шэна, которого вызвали отвечать, и с грохотом швырнул учебник на стол.

— «Жаждут лишь почестей, не замечая, как облик их увядает в небрежении!» — прорычал старик, подсказывая окончание.

Ученики в классе синхронно втянули головы в плечи, слушая, как учитель распекает Чи Шэна:

— Вчера ты читал это без единой запинки, а сегодня всё вылетело из головы?! Линь Чи Шэн, я к тебе обращаюсь! Раз ты пришёл в этот класс позже остальных, то должен трудиться вдвойне! Ты понимаешь это или нет?!

— Понимаю, — смиренно ответил Чи Шэн.

— Понимаешь?! Ни черта ты не понимаешь! Просто разленился в последние дни!

— Да, — всё так же кротко отозвался юноша.

Гнев Цзысяо застрял где-то в груди, не находя выхода. Этот ученик всегда отличался мягким нравом и прилежанием, а сегодня вдруг ни с того ни с сего решил проявить упрямство. Старик, чья борода уже тряслась от ярости, сквозь зубы выплюнул:

— Живо в угол! После уроков отправишься подметать Лестницу Парящих Облаков. Будешь мести и повторять, пока не вызубришь. Не выучишь к завтрашнему дню — можешь вообще не приходить!

Когда прозвенел колокол, ученики, чувствуя невероятное облегчение, похватали учебники и бросились вон из класса.

Чи Шэн не спеша дошёл до облачного утёса, чтобы спуститься с горы на журавле. Ли Ло уже ждал его у самого края. Он поприветствовал его, и они вместе покинули Цзюньцзы-шань.

В последнее время Ли Ло был явно занят — с того дня, как они наводили порядок в Библиотеке, они почти не виделись. Чи Шэн был искренне рад встрече со старшим братом, но в просьбе пришлось отказать.

— Старший брат, сегодня я не пойду в столовую. Преподабный Цзысяо наказал мне подметать листву.

— Я слышал. Опять ты умудрился рассердить учителя? — Ли Ло обеспокоенно посмотрел на него.

Чи Шэн лишь слегка опустил голову и тихонько подтвердил его догадку.

— Учитель отходчив, если не лезть на рожон. Стоило просто сказать пару мягких слов, и всё бы обошлось. Зачем же доводить до отработки? — Ли Ло вздохнул. — Давай я помогу тебе. Какой участок тебе достался?

— Лестница Парящих Облаков.

Ли Ло осекся:

—...

Чи Шэн едва заметно улыбнулся:

— Ступай в столовую, брат Ло. У меня всё равно нет занятий после полудня, справлюсь потихоньку. Если учитель узнает, что ты мне помогаешь, мне попадёт ещё сильнее.

Ли Ло, зная крутой нрав Преподабного Цзысяо, не стал настаивать. Он дал Чи Шэну пару наставлений и, словно что-то вспомнив, добавил для ободрения:

— Кстати, сегодня Лансюэ-цзюнь возвращается в школу вместе с учениками. Если пойдёшь на лестницу, то наверняка их встретишь.

Поблагодарив Ли Ло и попрощавшись, Чи Шэн в одиночестве отправился к Лестнице Парящих Облаков.

Полуденное солнце заливало каменные ступени, усыпанные шуршащей листвой. Если смотреть сверху, от врат школы, лестница казалась бесконечной рекой, уходящей за горизонт.

Последний раз Чи Шэн был здесь, когда только поднимался на гору. Тогда он пообещал себе, что если получится, больше никогда в жизни не ступит на эти проклятые ступени.

Юноша взял метлу и вздохнул. Убедившись, что его никто не видит, он прикусил губу, сдерживая торжествующую улыбку. Маленькая хитрость удалась, и лишь капля вины перед искренне переживавшим за него братом Ло омрачала этот триумф.

Чи Шэн принялся за работу. Шаг за шагом он спускался вниз, и сухие ветки метлы с мерным шорохом гнали перед собой пожухлую листву.

Он не считал, сколько прошло времени. Когда до его слуха донёсся многоголосый топот шагов по камню, одежда на его спине, подмышках и лбу уже пропиталась липким потом от полуденного зноя.

Чи Шэн замер и резко обернулся.

Далеко внизу по ступеням мерно поднималась целая вереница людей в белых одеждах. Издалека они походили на плывущее по склону белоснежное облако.

Впереди всех шёл человек в одеждах из небесно-голубого шёлка.

Чи Шэн знал, что Линь Фэйсянь возвращается сегодня. Он знал и то, что единственный путь в школу лежит через Лестницу Парящих Облаков.

Но даже при всей этой уверенности, стоило ему увидеть эту фигуру воочию, как сердце пропустило удар. А затем и вовсе пустилось вскачь, ломая всякий ритм.

Первым его заметил вовсе не Линь Фэйсянь, а ученики за его спиной. Они застыли в удивлении, начали перешёптываться, и вскоре весть о «препятствии» на пути долетела до самого учителя. Линь Фэйсянь поднял голову.

Их взгляды встретились.

Чи Шэн стоял в самом центре прохода, вцепившись обеими руками в черенок метлы. Он замер, словно столб, совершенно не соображая, что преграждает дорогу.

Когда Линь Фэйсянь подошёл совсем близко, он молча отвёл взгляд и, обогнув юношу, продолжил путь. Вслед за ним поток учеников разделился надвое, обтекая Чи Шэна, точно вода — прибрежный камень.

В этой толпе его заметили Гунъи Лин и Ли Сюнь.

— Чи Шэн? — удивились они.

— Не отставать! Нечего ворон считать! — скомандовал кто-то из старших учеников, идущих впереди.

Друзья переглянулись, похлопали Чи Шэна по плечу и поспешили наверх.

Юноша всё так же неподвижно стоял на месте.

Лишь спустя мгновение он, словно очнувшись от долгого сна, обернулся и посмотрел вслед уходящим.

Голубые одежды Линь Фэйсяня плавно скользили сквозь горный туман, напоминая поток чистой воды — прекрасной, прозрачной, но бесконечно холодной. Настолько холодной, что для простого смертного даже просто попасть в поле его зрения казалось недостижимой мечтой.

Глядя на его удаляющуюся спину и рассыпавшиеся по ней длинные волосы, Чи Шэн вдруг вспомнил строки из песни «Феникс ищет Феникса», о которой его спрашивали в Тайном царстве.

«День не увижу — и разум теряю в безумстве,

Не суждено нам вместе взмыть ввысь...

И я... погибаю».

На душе стало горько, в уголках глаз закололо. Чи Шэн с силой потер лицо и снова, с затаённой мольбой, посмотрел вверх. В ту же секунду он понял истинную причину своего «страха» перед Линь Фэйсянем.

Это был не страх. Это было глубокое чувство собственной никчемности, охватывавшее его каждый раз перед этим человеком.

Благородный муж, подобно небожителю, сокрыт за облаками. Линь Фэйсянь был слишком далёк. В нём не было ни капли мирской суеты — казалось, любая попытка приблизиться к нему станет осквернением этой чистоты.

В следующий миг небожитель, ушедший уже довольно далеко, внезапно остановился.

— Учитель? — в недоумении спросили ученики.

— Идите вперёд, — холодно обронил Линь Фэйсянь.

Ученики недоуменно переглянулись, бросили быстрый взгляд на Чи Шэна и, пожав плечами, скрылись за поворотом лестницы.

Чи Шэн смотрел, как Верховный старейшина медленно оборачивается и, стоя выше на несколько ступеней, пронзительно смотрит на него.

— Подойди, — наконец произнёс Линь Фэйсянь.

Чи Шэн, словно лишившись воли, шаг за шагом начал подниматься к нему. Оказавшись перед учителем, он привычно опустил голову.

— Учитель, — едва слышно прошептал он.

Линь Фэйсянь беспристрастно изучал его:

— Подметаешь листья на лестнице?

— Меня наказали... — голос Чи Шэна стал совсем крошечным.

Линь Фэйсянь молчал, продолжая пристально смотреть на него, будто пытаясь заглянуть в самую душу. Наконец он развернулся и продолжил подъем.

— Кто наказал?

— Преподобный Цзысяо... — Чи Шэн послушно следовал за ним.

— Ты обедал?

— Нет...

Линь Фэйсянь резко остановился. Чи Шэн, который шёл, уткнувшись взглядом в землю, не успел среагировать и ткнулся носом ему в спину. Подняв голову, он встретил его ледяной взгляд, в котором читалось явное: «Глупая утка напрашивается на смерть».

Линь Фэйсянь тяжело вздохнул. Он был явно разгневан.

— Бросай метлу. Иди в столовую. Если Цзысяо решит придраться, скажи, что это я тебе разрешил, — бросил он и, взмахнув широким рукавом, зашагал прочь.

Там, где учитель не мог его видеть, Чи Шэн улыбнулся. Мрачные мысли мгновенно улетучились, сменяясь чистой радостью. Он и так не горел желанием мести этот бесконечный спуск, а теперь, когда сам Линь Фэйсянь даровал ему прощение, причин оставаться здесь не было.

Юноша поспешил за Линь Фэйсянем.

Он и так собирался в сторону столовой, но вот совпадение: Линь Фэйсянь шёл той же дорогой. Со стороны могло показаться, что Чи Шэн преследует его по пятам.

В итоге он действительно дошёл за учителем до самой столовой.

Обычно Чи Шэн не завтракал, а из-за задержки с наказанием чувство голода стало почти невыносимым. Он набрал полный поднос мясных блюд и всерьёз задумался: есть ли ему вместе с Линь Фэйсянем или поискать место в стороне?

Обернувшись, он увидел, что учитель уже выбирает себе еду, даже не глядя в его сторону.

«Совсем голову потерял, Чи Шэн. Не будь таким жадным», — обругал он себя и, выбрав спокойное место, принялся за еду. Он поглощал пищу с такой жадностью, будто не ел несколько дней.

И вдруг, когда он как раз пытался проглотить очередной кусок, прямо перед ним на стол опустился поднос.

Чи Шэн поперхнулся и зашелся в кашле:

— Кха-кха-кха!..

Линь Фэйсянь мельком взглянул на него и пододвинул к нему чашку. У него их было две — одна с тёплой водой, другая с холодной. Он отдал Чи Шэну тёплую.

Осушив чашку, Чи Шэн осознал невероятный факт: Линь Фэйсянь. Прямо сейчас. Обедает вместе с ним.

И он сам подсел к нему.

Юноша воровато огляделся. Время обеда уже прошло, в зале не было толп народа, свободных

мест хватало, да и сам он не просил о компании.

Пока Чи Шэн строил в голове самые невероятные теории, Линь Фэйсянь уже спокойно приступил к трапезе. Он больше не поднимал глаз, словно и не он только что проявил такую инициативу.

Сидя напротив Линь Фэйсяня, Чи Шэн не смел больше есть так неистово. Контраст между ними был слишком разительным. Он заставил себя замедлиться: черпал еду медленно, но жевал с удвоенной скоростью, так что щеки его забавно раздувались.

Он ел, уткнувшись в тарелку и лишь изредка бросая робкие взгляды на соседа. Тишина за столом становилась почти осязаемой.

На подносе Линь Фэйсяня была сплошная зелень — всё постное и пресное.

Но нет... среди этих бледных овощей лежал один-единственный кусочек идеально приготовленного мяса.

Это был кусок жареной утки.

Чи Шэн: «?»»

<http://bllate.org/book/17515/1659483>